

ки (данники) Руси выступили в прямом смысле единым строем: в походе Олега на Смоленск и Киев. В дальнейшем их исторические пути расходятся. Весь остается в полной неизвестности – источники о ней больше ничего не сообщают. Чудь и меря вновь, уже в последний раз, вместе с кривичами и словенами уходят с Олегом на Царьград в 907 г. Далее чудь напоминает о себе отрывочными сведениями в летописи, а истории мери оказывается полностью скрытой за сообщениями о Ростове и Ростовской земле, которые, впрочем, следуют после долгого перерыва, начиная с 988 г.

Рассмотрев доступные письменные материалы, мы можем сказать, что «чудские» земли достаточно подробно описывались в средневековых источниках. Если в отношении более раннего времени наибольшую информацию нам дают скандинавские источники, очень тщательно освещающие этнотопонимическую ситуацию на балтийском побережье, то с накоплением знаний о Восточной Прибалтике все наиболее яркие и содержательные известия о восточноприбалтийских народах и землях приводятся в основном в западноевропейских сочинениях. Древнерусские известия о чуди в природно-географическом плане довольно скудны, максимум того, что дается русскими летописями, — это названия основных «чудских» территорий, племен и крепостей.

Л. С. Соболева
Екатеринбург

Строгановская летопись: концепция и образное решение

Освоение Урало-Сибирского региона в процессе похода Ермака с дружиной оценивается национальным сознанием с самого начала как героическое действие, важный эпизод русской истории, вызывая в дальнейшем к жизни многочисленные артефакты, ряд которых воспринимается как ярчайшее воплощение национальной идентичности. Оценка событий конца 80-х гг. XVI в. приобрела

патриотическое звучание уже в поколении самих участников похода, кристаллизуясь в жанре исторических преданий «казацких устных летописей». Многогранно звучала тема Ермака в письменных исторических сочинениях XVII в., и это был целый хор голосов, каждый из которых вел свою мелодию. Изучение исторических сочинений о присоединении / колонизации / завоевании / покорении Сибири дружиной Ермака, называемых в исследовательской традиции «Сибирскими летописями», являлось задачей многих исследовательских направлений, начиная с историографии XVIII в. (В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов), большого пласта историко-академических и краеведческих работ XIX–XX вв., включая размышления сегодняшней гуманитаристики. Наличие в исторических исследованиях серьезных историографических разделов и отдельных работ, посвященных обобщению этапов изучения данной темы, избавляет от необходимости подробного изложения различных точек зрения на процесс генезиса Сибирского летописания и взаимоотношения памятников в процессе их бытования¹. В исследованиях настоящего времени приоритетными становятся малоизученные источники и новые тематические повороты. К таковым, например, относятся исторические работы о конкретных участниках похода Ермака и их потомках². Немалое внимание теме освоения Сибири, изложенной в Погодинском летописце, его авторской атрибуции уделял А. Т. Шашков³. Новые аспекты понимания генеа-

---

¹ Внушительные историографические разделы присутствуют в работах историков С. В. Бахрушина, А. А. Преображенского, Р. Г. Скрышникова, А. А. Введенского, Н. И. Никитина; филологов Е. И. Дергачевой-Скоп, Е. К. Ромодановской и др. Обзор направлений изучения Сибирского летописания XVII–XX вв. см.: *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1981.

² Обобщение сведений, изложенных в многочисленных работах исследователей этой темы, присутствует в статье Н. И. Никитина См.: *Никитин Н. И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 51–87.

³ См.: *Шашков А. Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 116–161; *Его же.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 8–51.

логии и образного своеобразия исторических сочинений были предложены в работе Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеева⁴.

Обращение к Строгановской летописи в данной статье вызвано несколькими обстоятельствами, граничащими с парадоксальным состоянием изучения источника. Текст Строгановской группы летописей, получивших свое название из-за места появления основной редакции памятника в Сольвычегодске – центре владений уральских магнатов в первой половине XVII в., до сих пор должным образом текстологически не изучен и не опубликован в соответствии с современными требованиями. Признается наличие трех редакций памятника: основной, распространенной и краткой. Основная редакция летописи была опубликована Г. И. Спасским в 1821 г.⁵ Более полная публикация выявленных трех редакций по нескольким спискам была осуществлена в 1907 г. Л. Н. Майковым⁶, и до настоящего времени это самая солидная научная публикация строгановской ветви летописания. Но в обзорной статье В. К. Зиберова отмечалось наличие неоднозначных решений по многим вопросам в истории текста Строгановской летописи⁷. В основном в литературном поле решается проблема достоверности сведений об участии Строгановых в организации похода Ермака, на чем настаивает летопись. Здесь два противоположных мнения, сложившихся еще в русской историографии. Историки прострогановского направления настаивали на безусловном доверии к сведениям Строгановской летописи о доминирующей роли Строгановых в призвании Ермака и организации выступления против Кучума. Источниковедческое значение строгановской линии в летописании признавали наряду с пермским историком

---

⁴ См.: *Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская» (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность)* // Тѣхнѣ урѣаѣцѣатѣкѣ. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 67–84. Здесь же см. основную литературу по данной проблеме.

⁵ Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Изд. с рукописи XVII в. СПб., 1821.

⁶ Сибирские летописи / Изд. Имп. Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 1–104.

⁷ См.: *Зиберов В. К. Летопись Строгановская* // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 295–296.

А. А. Дмитриевым⁸ такие маститые ученые, как Н. М. Карамзин, автор «Истории государства Российского», и С. М. Соловьев⁹. Сомнение в изложении событий Строгановской летописью высказывали П. И. Небольсин¹⁰ и П. А. Словцов¹¹. К идее решительного отрицания роли Строгановых пришли сибирские «областники» (80–90-е гг. XIX в.): Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, А. В. Оксенов, С. А. Адрианов¹². Ученые советского периода также оказались вовлечены в эту полемику. Так, известный историограф и источниковед А. И. Андреев полностью отказал Строгановской летописи в каком-либо источниковедческом статусе; он охарактеризовал ее как поздний и фальсифицированный источник, отдавая дань уважения инициативе казаков¹³.

Обратил внимание на проблему достоверности в изложении событий Строгановской летописью и выдающийся исследователь истории Сибири С. В. Бахрушин. По его мнению, Строгановы шли вслед за стихийной народной колонизацией Сибири, но их роль была катализирующей. С 1574 г. Строгановы начинают организовывать последовательное и настойчивое продвижение на восток, для чего снаряжают экспедицию Ермака¹⁴.

Вновь принципиальный спор о качестве Строгановской летописи как историческом источнике возник в 60-е гг. XX в. в работе В. В. Введенского. В своей монографии он довольно подробно обозначил проблемы изучения Строгановской летописи как безусловно достоверного и важного источника¹⁵. О раннем происхождении Строгановской летописи высказывал свое мнение В. И. Сергеев,

---

⁸ См.: *Дмитриев А. А.* Строгановы и Ермак // Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. 4; *Его же.* Роль Строгановых в покорении Сибири // ЖМНП. 1894. № 1. С. 1–45.

⁹ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 6 т. М., 1960. Т. 6, кн. 3. С. 690–694, 715–723.

¹⁰ См.: *Небольсин П. И.* Покорение Сибири. СПб., 1849.

¹¹ См.: *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1.

¹² Обзор работ «областников» см.: *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода ... С. 23–26.

¹³ См.: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1950. Вып. 1. С. 216; *То же.* 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 197–226.

¹⁴ См.: *Бахрушин С. В.* Научные труды : в 3 т. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 145–150.

¹⁵ См.: *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 60–111.

именно в ней он видел источник для других ветвей сибирского летописания¹⁶. Не останавливаясь на длительной полемике с В. И. Сергеевым, возникшей в исторической науке¹⁷, отметим, что признание важного вклада Строгановых в освоение Сибири и тем самым признание значения Строгановской летописи как исторического источника содержится в работах филологов. Так, Е. К. Ромодановская именно Максима Яковлевича Строганова считает главным организатором похода¹⁸.

В связи с недостаточной изученностью строгановской ветви летописания, что отмечается многими исследователями, за ведущий текст взята рукопись, обнаруженная Г. И. Спасским в фонде Строгановых¹⁹ и опубликованная с привлечением нескольких более поздних списков в качестве основной редакции²⁰. Время ее создания определяется в диапазоне от 40-х до 70-х гг. XVII в. Более обоснованной считается датировка А. А. Введенского, относящего рукопись на основании палеографических данных к 30-м – 40-м гг. XVII в. В то же время авторы «Очерков истории русской литературы Сибири» осторожно подчеркнули, что эта датировка нуждается в «некоторых уточнениях»²¹. Сравнив выявленную В. В. Введенским филигрань Строгановской летописи по списку Спасского с существующими на сегодняшний день альбомами филиграней XVII в. Т. В. Диановой²² и А. А. Гераклитова²³, мы с удовлетворением признаем правоту

---

¹⁶ См.: *Сергеев В. И.* У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 45–60.

¹⁷ См.: *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода ... С. 32–33.

¹⁸ См.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: истоки русской сибирской литературы. Новосибирск, 1973. С. 69–91.

¹⁹ РНБ. Отдел рукописей. Фонд Строгановых. № 344.

²⁰ См.: Сибирские летописи. С. 1–46.

²¹ См.: Очерки истории русской литературы Сибири : в 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 55.

²² См.: *Дианова Т. В.* Филигрань «кувшинчик» XVII в. М., 1988. № 444. Отметим, что Т. В. Дианова увидела на филигране литеры «RG», что сблизает ее видение филиграна с наблюдением А. И. Андреева (см.: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. С. 209).

²³ См.: *Гераклитов А. А.* Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. № 824.

исследователя. Данная филигрань (кувшинчик с двумя ручками, короной на крышке, увенчанной полумесяцем, с литерами «РС») найдена исследователями в Трефологионе Московского печатного двора, начало печатания которого относится к 1636 г., а окончание – к 1638 г.²⁴ С учетом того, что в списке Спасского перед нами не оригинал, а копия, в которой присутствуют описки и искажения, предположение о более раннем происхождении летописи не кажется невероятным. Приведенные В. В. Введенским факты присутствия данных филиграней на грамотах 1610–1621 гг. позволяют фиксировать наличие больших запасов этой партии бумаги у Строгановых начиная с 1610 г. и согласиться с теми исследователями, которые относят создание летописи ко времени до 30-х гг. XVII в.

Гипотетичным остается предположение о возможном авторе Строгановской летописи. Наиболее реальным кандидатом признается Семен Шаховской, но до настоящего времени отсутствует достаточная аргументация для полной уверенности в его авторстве.

Следуя научной традиции обзора наиболее авторитетных направлений в изучении памятника, оговоримся, что проблема соотношения памятников сибирского летописания здесь не является определяющей. Для нас в известной мере безразлично, насколько сочинение соответствует историческим реалиям. Понятия исторической и художественной правды, не противореча друг другу, тем не менее не совпадают. Изменяя осознанно или стихийно исторические реалии, искривляя пространство и время в художественном тексте, автор стремится к иной правде – правде проникновения в систему жизненных ценностей, воспроизведению логики человеческих судеб в разносторонних отношениях с казусами и закономерностями времени.

На необходимость учитывать при определении источниковедческого статуса летописи «другие обстоятельства», связанные с содержанием летописи и грамот, указывал А. И. Андреев²⁵. Однако сложившиеся представления о художественной структуре памят-

---

²⁴ См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный кат. М., 1958. С. 137–138. Пальма первенства в указании на именно это старопечатное издание как датирующее основание принадлежит В. И. Сергееву. См.: *Сергеев В. И.* У истоков сибирского летописания. С. 53.

²⁵ См.: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. С. 209.

ника и его месте в национальном литературном процессе очень ограничены. При рассмотрении его как полновесного художественного текста важно определить основные художественные линии в сюжете, своеобразие образной структуры, выявить доминантные топы национальной литературной традиции.

То, что эта летопись излишне «литературна» для исторического источника, отмечал П. И. Небольсин, упрекая автора в фактологической несообразности, излишней велеречивости и желании придать ложный блеск роду Строгановых²⁶. Определенную литературность источника увидел и при этом высоко оценил М. Н. Карамзин, сам не чуждавшийся романического аспекта при описании российской истории. Не случайны приведенные им типологические сходства героико-сюжетного характера похода Ермака и испанских конкистадоров (Фр. Писарро)²⁷. И хотя этот типологический ряд не вызвал одобрения историков, он свидетельствует, что Карамзин осознавал иной, более сюжетно-литературный, уровень обобщения, присущий Строгановской летописи. На особую литературность летописи указывал и А. И. Андреев, видя, правда, в этом ее недостаток как исторического источника: «Строгановская летопись представляет безусловно интересный литературный памятник, в котором очевидны мотивы его составления (оправдать претензии одного из Строгановых на те права, которыми будто бы пользовались его предки, а прежде всего Семен Аникиев Строганов, от которого вел свое происхождение Григорий Строганов) и известны те ненаучные приемы, которые применил при этом неизвестный автор, использовавший для литературного оформления своего сочинения некоторые, прекрасные для своего времени, образцы, автором которых он же, может быть, и являлся»²⁸. Будучи чутким источниковедом, А. И. Андреев предлагает рассматривать летопись как «литературное произведение типа многочисленных исторических повестей XVII в., в которых, конечно, иногда находим нечто, согласное с бесспорными историческими источниками»²⁹.

---

²⁶ См.: Небольсин П. И. *Покорение Сибири*. С. 7–8.

²⁷ См.: Карамзин М. Н. *История Государства Российского* : в 12 т. 6-е изд. СПб., 1851. Т. 9.

²⁸ Андреев А. И. *Очерки по источниковедению Сибири*. С. 216.

²⁹ Там же.

Идея о том, что Строгановская летопись составлена в интересах рода Строгановых, давно стала общим местом в характеристике памятника. Но несомненного уточнения требует вопрос о характере интересов и о воплощении их в художественном пространстве текста.

Многочисленные исторические повествования о походе Ермака в Сибирь с начала введения их в научный оборот (XVIII в.) связывались с традициями летописного жанра и назывались в исследовательской литературе Сибирскими летописями. Общепринято, что большинство текстов, включая Строгановскую летопись разных редакций, «соотносятся с малыми жанрами древнерусской прозы — исторической и воинской повестью, сказанием, “историей” и др.», хотя сохраняют контекстуально и генетически «традиционные характеристики жанра летописи»³⁰. Исходя из этого термины «летописная повесть» и «летопись» в нашей работе взаимозаменяемы.

В определении жанра Строгановской летописи единства нет. В научной традиции памятник фигурирует как летопись, но признается, что структура связи отдельных частей в ней тяготеет к повести. И хотя доминантным содержанием летописи являются моменты исторического повествования, в ней присутствуют повороты и мотивы, свойственные нарождающемуся в русской литературе жанру рыцарского романа с присущим русской традиции эпическим пафосом.

Начинается летописная повесть с решения государем Иваном Васильевичем проблемной ситуации, возникшей в связи с необходимостью обороны Пермской «ево государьской» земли от набегов «Сибирскихъ людей». Писатель уточняет, что, по сути, перед нами не просто своего рода казус, так как идею расспросить про «ту страну» у знающих («въѣдущихъ») людей государю вложил Бог. Пр процитируем этот многозначный отрывок далее «...повелѣ^ѣ государь *предъ собою поставити* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Л. С.) Якова и Григорья Строгановыхъ и роспроси ихъ како бы оберегати Перьмская земля... Они же ему государю все подробно розсказа^{ша} и слово ихъ ему государю бысть приятно»³¹. В данном от-

³⁰ Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская» ... С. 69–70.

³¹ Сибирские летописи. С. 1–2. Далее Строгановская летопись цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте в круглых скобках.

рывке, по сути, формулируется важнейшая идея летописной повести об особом положении Строгановых в государственной структуре. И хотя они по своему происхождению не входили в элиту русского общества, не обладали титулами, древней родословной, не были связаны родственными узами с царским двором, автор отстаивает далеко идущую причину для их возвеличивания: ум, знание о далеких землях, готовность к деятельности. Государь выслушивает их наравне со своими знатными советниками. Строгановы рисуются писателем в их мужественной, патриотической и рыцарской роли. На протяжении нескольких пассажей цель отправки Строгановых в Пермские земли формулируется как «оберегание учинити», «крепость учинити... для береженья Сибирских и Нагайских и иных орд людей» (с. 2). В связи со сформулированной задачей перечисляются профессии специалистов, набираемых Строгановыми: пушкари, затинщики, пищальники. В грамоте об основании Орла-городка указано: «тот наряд держати» и дозволяется призывать к себе людей данных специальностей (см. с. 4). Для организации городской жизни были необходимы и представители других, мирных, специальностей – строители, ремесленники, но автор о них даже не упоминает, говоря о формировании новых городков. В его писательском сознании Строгановы рисуются исключительно в образах воинов-защитников, организаторов обороны, хотя он не мог не понимать иную их функцию – хозяйственного освоения новых пространств. Причина усиленного направления читательского внимания на оборонно-военную сторону, скорее всего, кроется в том, что по традициям Средневековья организаторами военных операций были исключительно люди знатного происхождения³². Таким образом повышался статус рода Строгановых, претендовавших на вхождение в элиту Русского государства.

Автору важно показать постоянную тесную связь, изначально исключительно доверительную, между Строгановыми и государем. Иван Васильевич приказывает им послать людей из городков для поимки «государевых изменников», т. е. организовать и провести военную операцию против тех, кто отказывается платить дань. По-

---

³² Показательно, что при всем хозяйственно-организаторском таланте К. Минина возглавлять войско при походе на Москву был призван князь Д. Пожарский.

сланные люди «окаянныхъ овыхъ побиша, а иныхъ живыхъ взяша і всѣхъ к шерти ихъ приведоша» (с. 5). Здесь впервые упоминается мотив измены, который станет одним из важнейших в дальнейшем разворачивании сюжета. Строгановы выступают как каратели изменников, преданные слуги государя. Выстраивая субординацию взаимоотношений, автор обращается к мотиву преданной верной службы, и для Строгановых это служба государю. Писатель использует прием постоянной переписки Строгановых с царем, где они позиционируют себя как защитники интересов и мстители за обиды государя (см. с. 7).

Повествуя о приходе царевича Маметкула, автор рисует ситуацию, схожую с ситуацией в Повести о Темир-Аксаке, когда Тимур неведомо почему повернул назад и не стал воевать Москву. Но если в Повести о Темир-Аксаке поступок Тимура приписывался спасительной силе божественного провидения, то отказ Маметкула идти в Пермь вполне рационально объясняется ловким обманом его русскими пленными. Собственно, только этот обман спасает Чусовские городки, тогда как «Яковъ и Григорей за сибирскую ратью безъ указу государева своихъ наемныхъ казаковъ изъ городковъ послать *не посмели*» (с. 6). Возможно, неосознанно, но в начале исторического повествования автором летописи выстраивается ситуация, показывающая, что на первом месте для Строгановых стоит точное исполнение предписаний государя, хотя очевидно, что преследование Маметкула могло спасти их крепости от дальнейших нападений. И уже здесь подспудно ставится вопрос о степени доверительных отношений с властью, о том, что безопасность и величие государства зависят не только от монаршей воли, но и от преданности и патриотической энергии живущих в этом государстве людей.

Неким подобием отношения государя к Строгановым становятся выстраиваемые автором отношения Строгановых к Ермаку и его дружине. Автор сближает обстоятельства призыва Строгановых государем в эпизоде призыва Ермака Строгановыми. В первом случае «вниде в слух» государю сведения о частых «басурманских» приходах на Пермскую землю, во втором – «слышаху бо» Строгановы о «буйстве и храбрости» казаков и атаманов. Иван Васильевич имел беседу со Строгановыми 4 апреля 1558 г., Строгановы призвали Ермака 6 апреля 1579 г. Иван Грозный удостоил Строгановых

особой чести, поставил их перед собою и «распроси ихъ како бы оберегати Пермская земля», а затем «пожаловал» землями и правом привлекать к себе людей. Строгановы послали к Ермаку своих людей с подарками, по прибытии «прияша ихъ с честію и даваху имъ дары многи, и брашна и питія и изобилино ихъ наслаждаху» (с. 9). Это дублирование этикетных ситуаций имело целью соединить эпизоды в единую логическую цепь. Честь, которую Строгановы оказывают простым казакам, обернется для них спасительной преданностью дружины.

Казаки в данном произведении становятся символом верности и подлинного служения. Автор не устает постоянно повторять, говоря об их службе, что они «быхуся... сурово и немилостиво и твердо стояху и на неверных поощряхуся», «победу учинили» (с. 9).

Вторая часть летописной повести, связанная с походом Ермака, включает в себя важные мотивы подлинной и мнимой измены, ложного доноса, храбрости и воли к победе, основанной не на страхе наказания, а на ответственности казаков за данное слово перед «честными людьми» и всем православным миром. Выявлению этих идей способствует композиция памятника и аксиологический пафос текста. Автор подробно останавливается на победах казаков в июле 1581 г. над вогулами и остяками, возглавляемыми «злым и безбожным» мурзой. Их вина в том, что «безвѣстно украдомъ и ту окрестъ живущихъ села и деревни поплениша и пожгоша і в полонъ многихъ людей мужей и женъ и детей поимаша» (с. 9). Результатом победы казаков явилось признание нападавшими своей вины, согласие платить дань и не приходить на Русскую землю войною, потому что «Бог подал над ними побѣду» (с. 10). Победа становится воплощением воли Бога, и в дальнейшие действия казаков проникает семантика не только мести за поруганных жителей, но и очищения Сибирских земель, желание «отогнати безбожнаго варвара».

Оговаривая календарную дату начала выступления Ермака – 1 сентября 1581 г. (предыдущая битва была в июле), автор усиливает мысль о христианской окраске его похода. Кроме того, здесь подробно описывается церковное богослужение «всемилоствому в Троицы славимому Богу и пречистой его Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ и святымъ угодникомъ Его» (с. 10–11). Заключительная фраза описания снабжения Строгановыми казаков в поход «и от-

пустиша ихъ в Сибирскую землю с миром» (с. 11) отсылала читателя к евангельскому выражению «Ныне отпустиши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миром» (Лк. 2 : 29). В данном высказывании слово «мир» означает «покой, тишина»³³, что, конечно, имело непосредственное отношение к главной цели похода, как она декларировалась в памятнике, – установлению спокойствия на окраине Русского государства. Поэтому казаки выступают в поход «с радостью»³⁴, чтобы «очистити мѣсто» (с. 11). Однако дальнейшие обстоятельства, связанные с кровавыми битвами, по авторской концепции складываются так, что речь идет не только об очищении места, но и об очищении души.

Невольно Строгановы и казаки становятся виновниками большого разорения, причиненного Пелымским князем многим прикамским городкам в 1682 г. Автор устанавливает своеобразное равновесие сил: по его подсчетам, 840 казаков покинули строгановские земли, 700 «буйственныхъ и храбрыхъ і сильныхъ мурзь и улановъ» пришли из Сибирской земли «со множествомъ вои» (с. 12). Он соединяет дату ухода казаков и прихода врагов, все происходит в день Симеона Столпника (1 сентября – новый год по церковному календарю). Но окончательно разорить Пермские земли, по авторской логике, помешали Строгановы (Семен, Максим и Микита) с мужественными и храбрыми людьми, призвав на помощь божественные силы. Вновь автор использует прием повтора, упоминая божественные силы в той же последовательности, как это было при прощальной молитве казаков: «...призва себѣ в помощь всемилостиваго в Троици славимаго Бога и пречистую Его Богоматерь і всехъ угодниковъ его» (с. 13). Побегу «окаянныхъ» способствовало и то, что они узнали о походе казаков в Сибирскую землю «и того устрашишася» (с. 13). Несмотря на то, что «безбожнии отоидоша посрамлени, аки пси, на своя места» (с. 13), чердынский воевода Василий Пелепилицын написал государю о произошедшем набеге, главными виновниками которого, по его изложению, оказались Строгановы.

---

³³ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 149.

³⁴ В данном случае «радость» – чувство душевного удовлетворения. См.: Там же. Т. 3. Стб. 13.

Строгановская летопись не приводит данных о прежних столкновениях В. И. Лобанова-Пелепелицына с казаками в бытность его послом в Ногайской орде (1581 г.). Грамота государю, посланная к тому же с большим опозданием осенью 1582 г., после высокой авторской оценки поведения Строгановых в столкновении с пелымским князем, когда удалось русских людей из полона «отъять», с формулировкой, что Строгановы «его государевымъ городомъ не помогли и людей отъ себя на помощь не послали и волскихъ атамановъи казаковъ Ермака Тимофеѣва съ товарищи не отпустили къ нему на помощь» (с. 14), превращается в несправедливый донос. По предположению современных историков (Р. Г. Скрынников, А. Т. Шашков), дата начала похода Ермака относится не к 1681 г., а к 1682 г.³⁵ Не беря роль арбитра, замечу, что в этом случае автор, возможно, осознанно меняет дату выступления Ермака и отправляет его сражаться на год раньше, чтобы подчеркнуть невиновность Строгановых и доносительский смысл грамоты воеводы к Ивану Грозному.

В летописи используется высокоэффективный художественный прием: изложение грамоты Ивана Грозного от 16 ноября 1582 г. В своем послании государь обвиняет Строгановых в измене. Суть ее заключается в том, что своими действиями они поссорили царя с местными племенами и призвали себе на службу «воровъ» «безъ нашего (царского. — Л. С.) указу» (с. 14). Собственно, только отсюда читатель узнает о бурной биографии Ермака и казаков, которые «нашимъ людямъ многие грабежи и убытки чинились» (с. 15). Царь в послании указывает путь искупления прежних «вин» — «нашу Пермскую землю оберегати» (с. 15).

Автор создает в произведении конфликтную ситуацию, раскрывающую новое понимание чести. По представлениям Ивана Грозного, честь любого подданного зависит от государя и даруется им, честь должна соответствовать «чину». Но в конкретной политике царя происходит размывание этой установки. Царствование царя Ивана IV наполнено изменами и «воровством» (разбойничеством). Любая политическая, военная, хозяйственная неудача трактовалась как проявление измены, что требовало принятия соот-

---

³⁵ Подробную аргументацию см.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 139; *Шашков А. Т.* Начало присоединения Сибири. С. 8–51.

ветственных мер. Царские грамоты изобилуют подобными обвинениями, приводившими к коренным изменениям человеческих судеб, зачастую – к лишению жизни. Не избегли подобной участи близкие царю люди и его любимцы. Измена трактовалась как покушение на честь государя.

В Смутное время меняются представления о чести. Феномен самозванчества, словно эпидемия поразивший Россию, привел к появлению временщиков и понятия сомнительной чести. Именно в покушении на этот институт видели причину неустройства Русского государства авторы произведений о Смуте. Как писал Авраамий Палицын, «...всяк же от своего чину выше начаша сходитьи»³⁶. С возвращением после Смуты общепринятого законного монарха был актуализирован и обсуждался вопрос о чести. «Смутное время, таким образом, внесло значительные коррективы в представление о чести, особенно государевой: оно показало, как опасно нарушение иерархии чести со стороны монарха и подданных», – отмечается исследователем данной категории в ее историческом развитии³⁷. Позиция автора Строгановской летописи, будучи вполне в духе времени, отличается определенной радикальностью. Оказывается, царь может быть несправедливым: поверив навету, он понапрасну бесчестит преданных ему людей, обвиняя в вероломстве и измене³⁸. Автор усиливает сочувствие читателя к Строгановым, говоря о резких словах царя о большой на них опале и о том, что он велит «перевешать» тех казаков, которые им служили, «а нашу землю выдали», показывает переживания мнимых изменников. Помимо этого он не прочь уличить царя в непоследовательности: «И по сем Семень, Максимъ и Никита быша в велицей печали о томъ что прѣжь... повеление бысть

---

³⁶ Сказание Авраамия Палицына. М. ; Л., 1955. С. 119.

³⁷ Черная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 78.

³⁸ Подобная же постановка темы присутствует в «Описании винъ или причинъ, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми дѣлами в цѣлости и в покои содержатся и строятца». Автор считает: «Аще начальником всяким любовь подданных тѣхъ, которыми владѣють, есть красотою и честью и безстрашным житьем, так опять нелюбовь и ненавидство подданныхъ бесчестьемъ есть государемъ и начальником всяким, многжды къ погибели приводить их» (ПЛДР. М., 1987. Вып. 9. С. 468).

по прежнимъ его государевымъ грамотамъ... людей воинскихъ при-
бирать на Сибирского салтана, а *ныне* ево жь государевъ указъ, что
не велѣно отпущати волскихъ атамановъ и казаковъ, а у нихъ отпу-
щены казаки Ермакъ с товарищи» (с. 16).

Реализация поворота судьбы от чести к бесчестию должна бы-
ла подчеркнуть идею переменчивости судьбы, наличия случайности
в ее течении. Именно такое понимание колеса фортуны, которое в
один миг может вознести или низвергнуть человека, стало призна-
ваться в XVII в. наряду с идеей проявления в судьбе человека бо-
жественного предопределения³⁹.

Подобного рода инверсии судьбы в условиях полного нерав-
ноправия и зависимости от благосклонного отношения властей
происходили со Строгановыми в конце XVI в. После завершения
кампании по присоединению Сибири власти, по свидетельству
Д. Флетчера, насильно отняли у них все⁴⁰. Р. Г. Скрынников нашел
подтверждение этому факту, проанализировав сведения о сибирских
воеводах, составленные в недрах Разрядного приказа. Он связывает
гонения на сибирских воевод в 1588–89 гг. с опалой на Строгано-
вых в это же время⁴¹. Несколько лет понадобилось солепромыш-
ленникам, чтобы вернуть себе расположение властей. Зато в 1597 г.
Никита Строганов получает новое пожалование – более полумил-
лиона десятин земли в Прикамье.

Резкие перепады жизненного успеха на протяжении одного
поколения должны были вызвать раздумья и желание доказать чест-
ность и верность рода в служении отечеству. Именно эту задачу в
качестве ведущей выполняет Строгановская летопись, выходя на
проблему, которая будет решаться в последующие полвека: достоин-
ство по знатности рода или достоинство по делам.

---

³⁹ Понимание изменчивости жизни – одна из ярких характеристик лите-
ратуры XVII в. Она традиционно соотносилась со второй половиной века и
наиболее репрезентативно была представлена в драматических произведе-
ниях (см.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала
XVIII века. М., 1977. С. 162–190). Истоки внимания к этой теме прослежива-
ются в текстах, созданных на окраине Русского государства в начале века.

⁴⁰ См.: Флетчер Д. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М.,
1991. С. 71.

⁴¹ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 271–272.

Добиться для себя особого статуса, соответствующего их пониманию своей роли в государстве, было важнейшей жизненной задачей для нескольких поколений рода Строгановых. Последовательно им даруется звание именитых людей (Петру Семеновичу в 1610 г., Андрею Семеновичу в 1612 г.), указом устанавливается штраф за бесчестье в 100 рублей. Апофеозом утверждения Строгановыми своего положения в структуре российского общества XVII в. оказалось Уложение 1649 г. В отдельной статье 94 главы 10 говорилось: «А кто обесчестит имянитых людей Строгановых, а по суду или сыску сыщется про то до пряма, и им правит за бесчестье 100 рублей человеку», что вдвое превышало плату за бесчестье других «гостей»⁴². Знаком особой чести было извещение Строгановых о важных событиях придворной жизни и почетном пребывании в столице. Например, они упоминаются при описании обеда у патриарха в 1667 г.: «Обед у патриарха был в Крестовой палате... с боярами сидели именитые люди Строгановы – Дмитрий и Данило»⁴³.

Аспект проблемы утраты и обретения чести и достоинства Строгановская летопись раскрывает в движении судьбы Ермаковской дружины и противостоящего ей войска Кучума. Автор, описывая столкновение двух противоборствующих сил, показывает нам казаков в момент их глубоких сомнений в благополучном исходе предстоящей битвы: «чинив круг», казаки начали совещаться, что им делать: «Отойти ли от мѣста сего или стояти единодушно?» (с. 21). Сомневающимся казаки сказали «жестосию твердо» о необходимости остаться и дать бой. В числе аргументов были как природно-климатические условия («в рекахъ ледъ смерзается»), так и боязнь плохой славы («не дадимся бѣгству и тоя худыя славы себѣ не получимъ») (с. 21). Возлагая упование на божественную помощь, казаки чувствуют себя вправе ее ожидать, перечисляя все прегрешения «окаянных Агарян», за которые им мстит Бог.

Главным же аргументом, заставившим казаков принять неравный бой, оказывается чувство чести: «Вспомянемъ, братие, обещаіе свое, како мы честнымъ людямъ предъ Богомъ обѣты и слово свое даша... хотя до единого всѣмъ умерети, вспять возвратитися не можемъ срама ради и преступления ради слова своего, еже с клят-

---

⁴² См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 111.

⁴³ Цит. по: Андреев А. Строгановы : энцикл. изд. М., 2000. С. 86.

вою общахомся» (с. 22). Честь казацкая, по авторской формулировке, состоит в готовности умереть за православную веру, в службе царю Ивану Васильевичу, в противостоянии «поганымъ» «до крови и до самыа смерти», в верности своему обету и своим товарищам («единодушии»). Победы казаков обусловлены не только их личным мужеством и храбростью, но и помощью Господа: «Богъ же казацемъ на поганыхъ победу дая» (с. 24). Для авторской идеи это важное указание, означающее, что поход казаков угоден Богу, а значит, и жизненно важен для Русского православного государства. Таким образом, царские укоры Строгановым, угрозы казакам, обвинения их в измене и обещание жестокой казни выстраиваются писателем как антитеза к истинным чувствам и поведению дружины Ермака. Парадоксальным образом казаки становятся спасителями чести Строгановых. Благоволение и возвращение милости государя зависят от победы казаков, что и демонстрирует эпизод, когда Строгановы, получив известие от последних, пишут «из острошковъ своихъ» отписку царю, а затем приезжают в Москву и рассказывают «все по ряду»: и как казаков снарядили, и как те пленили сына Кучума Маметкула и взяли столицу царства Сибирь, «и о усмирении Сибирския земли все ему государю поведѣша» (с. 29).

Благодарность государя выразилась в новых пожалованиях Строгановым, что означало прощение и восстановление чести рода. Писатель удваивает рассказ о взятии Сибири: казаки самолично посылают донесение царю, царь жалует не только тех, кто приехал, но и тем, «кои в Сибири», посылает «государево полное большое жалованье» (с. 30). При этом автору чрезвычайно важно соблюсти некое равновесие в щедрости сторон: казаки «государевыхъ воеводъ одариша драгими соболями и лисицами і всякою мяхкою рухлядью, елико кто что можаху...» (с. 31). Для Средневековья щедрость была символом благородства, высокого общественного статуса. Казаки, в изложении автора, не только своими патриотическими помыслами, верностью данному слову, героизмом в битвах, но и бытовым поведением отстаивают значимость формирующегося в структуре Русского государства сословия, славящегося свободолюбием и самостоятельным выбором образа жизни. Выявляя своеобразие мировосприятия казаков, С. М. Маркедонов отмечает присущие им внесословные ценности, этническую и конфессиональную терпи-

мость⁴⁴. Не только Строгановская летопись, но и все Сибирское летописание формировали в нескольких поколениях казачества чувство сопричастности к судьбе Отечества, что в сочетании с общепризнанным их вольнолюбием привело к формированию казачьей идентичности. Не исключено, что благодаря распространению исторических повествований, многогранно трактующих участие казаков в величественных планах покорения Сибири для Русского государства, казаки психологически оказались готовы к принятию присяги на верность царской службе в 1671 г.

Тема чести правителя возникает в Строгановской летописи при описании судьбы хана Кучума. Он предстает сильным, своего рода ветхозаветным, злодеем, с горечью осознающим поражение. Во время битвы с казаками он стоит на горе, его муллы молятся о победе «скверным своим богам», от которых «ни мало помощи» не имел, а его союзники остяцкие князи «отоидоша... восвоеси» (с. 24). Эта ситуация контрастирует с «единодушием» русских воинов, не щадящих своей жизни. Автор заставляет Кучума с горьким плачем призывать к спасительному бегству окружающих: «О, мурзы и уланове, победимъ, не медлимъ, сами бо видимъ своего царства лишение; силнии наши изнемогоша, а храбрии воины вси побьени быша. О горе мне, что сотворю или камо бежу!⁴⁵ Покры срамота лице мое: кто мя победи и царства моего лиши? *Простыхъ бо людей* послаша на мя Строгановы изъ своихъ острошковъ, свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ Ермака с товарищи, не со многими своими людьми, и той нас нашед победи... обратися болѣзнь моя на главу мою, и неправда моя сниде на мя... несть бо тоя радости на земле, иже не пременится на жалость» (с. 25). Унижение для Кучума – не только поражение в битве, но и то, что сражаются с ним не знатные воины, а простые казаки, число которых много меньше его войска. Так словами заклятого врага автор возвеличивает подвиг казаков.

Ермак, после того как Кучум «вдашася невозвратному бегству», входит в его пустую столицу, и автор вновь повторяет в виде заклю-

---

⁴⁴ См.: Маркедонов С. М. Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI – XVII вв.) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 104.

⁴⁵ Ср.: Бытие. 16 : 8 (описание изгнания Сары, сын которой стал прародителем мусульман).

чения вариант ветхозаветного афоризма: «Бог гордымъ противится, а смиреннымъ христианомъ дасть благодать свою» (с. 26)⁴⁶. К Ермаку приходят с дарами остяцкие князья, возвращаются в город многие татары со своими семьями. Ермак не только завоеватель, но и избавитель, защитник жизненного пространства.

Дальнейшая судьба Кучума в изложении летописи безрадостна, и это не только результат победы казаков, но и следствие внутренних конфликтов. Увидев, как «устрашися зело» Кучум выступлением Сейдека Бекбулатова, отца которого он в свое время победил, уходит от Кучума «думчий Карача» со своими людьми. «Кучум же плакася горко и рече в себѣ: “Его же Богъ не милуетъ, тому и честь на бесчестие приходить, того и любиміи друзи оставляють”» (с. 28). Бесчестие правителя является следствием его гордыни, трусости, лицемерия, неверия в своих людей. Поражение Кучума выявляет эти качества негодного правителя, убитого к тому же впоследствии прежними союзниками.

Автор Строгановской летописи, рассказывая эпическую историю взятия Сибири, напряженно размышляет о важных нравственных доминантах времени – категориях чести и бесчестья. Все ее герои оказываются вовлечены в этот круг проблем: Ермак с дружиной кровью и смертью искупают воровское бесчестное прошлое; царская честь Кучума не выдерживает трагических военных и политических провалов, оборачиваясь бесчестьем; род Строгановых, пройдя через горнило ложных обвинений, остается верен патриотическим задачам, доказывая тем самым новое понимание чести, которое будет постигаться на протяжении дальнейшего времени.

Возвращаясь к теме значения летописи как исторического источника, можно надеяться на определенную переоценку этого сложного художественного феномена. Летопись является источником не столько фактологической последовательности похода Ермака и выявления его организаторов, сколько на основании этого события раскрывает процесс формирования в общественном сознании ценности человеческого достоинства и достижения уважения общества. Одновременно эти качества становятся основой для оправдания души пред лицом Бога.

---

⁴⁶ Ср.: Книга Притчей Соломоновых. 3 : 34.